

УДК 94(47)“1917/1991” + 316.728

Визуальные репрезентации моды и культуры потребления
в СССР 1920–1930-х гг. на примере произведений
М.А. Булгакова: «Зойкина квартира» и «Мастер и Маргарита»

Дарья С. Вельмушкина

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, dashavelm@gmail.com*

Аннотация. Статья посвящена изучению визуальных образов одежды и представлений о моде в советской городской повседневности 1920–1930-х гг. на материале пьесы М.А. Булгакова «Зойкина квартира» и романа «Мастер и Маргарита». Художественные произведения рассматриваются как источник для исследования повседневных практик и культуры потребления в период перехода от эпохи НЭПа к сталинскому времени. Особое внимание уделяется костюму как элементу материальной среды повседневности, отражающему социальные различия, представления о престижности и формы самоидентификации в городской среде. Детали пьесы «Зойкина квартира» позволяют проследить, что демонстрация парижских нарядов и мотив переодевания соотносятся с представлениями о социальной мобильности и стремлением персонажей к иной модели жизни. Одежда выступает маркером статуса и одновременно указывает на ориентацию на западные образцы моды. В романе «Мастер и Маргарита» детали костюма и аксессуары также играют значимую роль в характеристике городской среды, позволяя обозначить социальное положение персонажей и особенности их поведения. Описания одежды в произведениях Булгакова дают возможность реконструировать представления о моде, статусе и культуре потребления в советской городской повседневности 1920–1930-х гг.

© Вельмушкина Д.С., 2026

Художественная литература в данном контексте выступает важным источником для изучения социальных практик и материальной культуры раннесоветского общества.

Ключевые слова: визуальная репрезентация, советская мода, культура потребления, история повседневности, М.А. Булгаков, «Зойкина квартира», «Мастер и Маргарита»

Для цитирования: Вельмушкина Д.С. Визуальные репрезентации моды и культуры потребления в СССР 1920–1930-х гг. на примере произведений М.А. Булгакова: «Зойкина квартира» и «Мастер и Маргарита» // Молодой историк. 2026. № 2(6). С. 97-108.

Visual representations of fashion and consumer culture in the USSR in the 1920s–1930s: a case study of Mikhail Bulgakov’s “Zoyka’s Apartment” and “The Master and Margarita”

Daria S. Velmushkina

Russian State University for the Humanities,
Moscow, Russia, dashavelm@gmail.com

Abstract. This article examines visual representations of clothing and perceptions of fashion in Soviet urban everyday life of the 1920s–1930s, using Mikhail Bulgakov’s play “Zoyka’s Apartment” and his novel “The Master and Margarita” as case studies. Literary works are considered as a source for studying everyday practices and consumer culture during the transition from the New Economic Policy (NEP) period to the Stalinist era. The study focuses on costume as an element of the material environment of everyday life that reflects social distinctions, notions of prestige, and forms of self-identification in the urban milieu. The material of “Zoyka’s Apartment” shows that the display of Parisian garments and the motif of disguise are associated with the ideas of social mobility and the characters’ aspirations for an alternative model of life. Clothing functions as a marker of status and at the same time indicates an orientation toward Western fashion models. In “The Master and Margarita”, elements of costume and accessories also play an important role in depicting the urban environment, helping to indicate the social position of characters and the features of their

behavior. Descriptions of clothing in Bulgakov's works make it possible to reconstruct perceptions of fashion, status, and consumer culture in Soviet urban everyday life of the 1920s–1930s. In this context, literary works serve as an important source for studying social practices and the material culture of early Soviet society.

Keywords: visual representation, Soviet fashion, consumer culture, Soviet urban everyday life, M.A. Bulgakov, “Zoyka’s Apartment”, “The Master and Margarita”

For citation: Velmushkina, D.S. (2026), “Visual representations of fashion and consumer culture in the USSR in the 1920s–1930s: a case study of Mikhail Bulgakov’s ‘Zoyka’s Apartment’ and ‘The Master and Margarita’”, *Young Historian*, no. 2(6), pp. 97-108.

В современной гуманитарной науке усилился интерес к изучению советской повседневности, ее материальной культуры, в особенности моды и ее потребления. В рамках истории советского общества в период 1920–1930-х гг. исследователи уделяют внимание формированию «нового быта», трансформации повседневных практик и социальным аспектам городской жизни. Данные проблемы рассматриваются в работах, посвященных советской повседневности, где анализируются процессы становления, трансформации социальных норм и культурных моделей поведения, обусловленных идеологическими установками раннесоветского государства.

Существенный вклад в изучение материальной культуры внесли исследования истории костюма, в которых одежда предстает как элемент социальной идентификации и показатель культурных, экономических и идеологических процессов [Стриженова 1972]. В классических трудах по истории костюма подчеркивается, что одежда отражает социальный статус человека и его принадлежность к определенной культурной среде. В работах, посвященных советскому костюму, в частности в исследовании Т. Стриженовой и Н.М. Каменской [Стриженова 1972; Каменская 1977], акцентируется внимание на его связи с особенностями плановой экономики, новаторскими идеями главных культурных деятелей страны и государственной

идеологией. Особое направление исследований связано с анализом моды как социального и культурного феномена. С.В. Журавлев и Ю. Гронов характеризуют моду как комплексное явление, включающее экономические, социальные, культурные и психологические аспекты. Исследователи понимают моду в качестве неотъемлемого элемента повседневной жизни и культуры потребления, подчеркивая ее позднее включение в сферу научного анализа и необходимость современного междисциплинарного подхода к ее изучению [Журавлев, Гронов 2013].

Значительный пласт исследований посвящен анализу произведений М.А. Булгакова: рассматриваются вопросы художественного пространства, в том числе «квартирный вопрос» и концепция «дома-антидома», а также символика костюма и предметного мира как элементы характеристики персонажей [Белогурова 2014]. Однако следует отметить, что в большинстве указанных исследований произведения Булгакова рассматриваются преимущественно с точки зрения поэтики и символики. Вопросы, связанные с материальной культурой, модой и потребительскими практиками, затрагиваются косвенно. В частности, отсутствуют исследования, комплексно соединяющие анализ художественного текста с изучением моды как элемента повседневной жизни и культуры потребления. Настоящее исследование направлено на восполнение данного пробела и предполагает рассмотрение произведений М.А. Булгакова как источника по истории визуальной культуры, моды и потребительских практик советского общества 1920–1930-х гг.

В 1920–1930-е гг. одежда в советском обществе выступала не только элементом материальной культуры, но и частью системы социального регулирования. Культурная революция раннесоветского периода закрепляла представление о внешнем облике как о показателе социальной принадлежности: демонстративная элегантность связывалась с дореволюционным «буржуазным» прошлым, тогда как новый идеал предполагал простоту, функциональность и утилитарность. В публичном пространстве осуждались элементы «избыточного» внешнего вида – галстуки, декоративные аксессуары, косметика, – что закрепляло норму аскетичного костюма [Соболева 2018, с. 21]. На практике эти

установки сочетались с тяжелым экономическим положением. Разрушение хозяйственных связей и слабость легкой промышленности обусловили хронический дефицит тканей и готовой одежды [Зайцева 2023, с. 105]. Производство не удовлетворяло даже базовые потребности, ассортимент оставался ограниченным, а значительная часть населения пользовалась дореволюционными вещами или их переделками. Распространение получили практики самостоятельного пошива и ремонта одежды: один и тот же предмет гардероба мог использоваться в течение многих лет, переходя от одного владельца к другому [Зайцева 2023, с. 109]. В особенно уязвимом положении находились безработные женщины, не имевшие доступа к сырью и возможностям его самостоятельного производства [Фурсова 2016, с. 273].

Городская визуальная среда фиксировала эти процессы предельно наглядно. Повседневный облик Москвы начала 1920-х гг. складывался из однообразных и зачастую изношенных вещей: кожаных курток, кепок, стоптанной обуви [Лебина 1999, с. 214]. Современники отмечали «пестрый маскарад» городского транспорта, где соседствовали остатки дореволюционного гардероба и новые элементы, возникшие в годы революции [Белобровцева 2012, с. 228]. Это сочетание разнородных деталей отражало переходный характер эпохи, в которой старые формы еще сохранялись, а новые только складывались. Несмотря на декларируемое равенство, одежда продолжала выполнять функцию социального различения. В годы НЭПа формируется прослойка, ориентированная на западные образцы: в городской среде появляются модные платья, аксессуары, обувь, воспроизводящие европейские тенденции [Зайцева 2023, с. 106]. Однако в это же время массовый костюм сохраняет черты унификации: кожаная куртка, кепка, красная косынка закрепляются как знаки «правильной» социальной принадлежности [Соболева 2018, с. 21].

Данные противоречия представлены в художественных произведениях М.А. Булгакова, где одежда является индикатором в социальной среде. Так, в романе «Мастер и Маргарита» внешний облик персонажей обозначает их положение в общественной иерархии. Иван Бездомный представлен в «ковбойке и черных

тапочках», что подчеркивает его соответствие идеалам пролетарской культуры; клетчатая кепка становится символом эпохи, закрепленным в массовом сознании¹. Антиподом Бездомного является Берлиоз, который появляется в шляпе и с портфелем – предметами, обозначающими связь с дореволюционной интеллигенцией и административной элитой². Кроме того, городское пространство романа наполнено повторяющимися деталями одежды: «реки кепок» создают визуальный образ толпы, ориентированной на единый идеологический стандарт [Белобровцева 2012, с. 229]. Отдельные элементы: качественная обувь, перчатки, аккуратное пальто – указывают на принадлежность к привилегированным слоям населения. Современники фиксировали аналогичное явление: в середине 1930-х гг. на улицах Москвы появляются люди, резко выделяющиеся своим внешним видом и атрибутами статуса, прежде всего портфелем и аккуратной одеждой [Белобровцева 2012, с. 228–229].

Особую роль играет мотив изменения внешнего облика. В сцене погони Иван Бездомный оказывается в «полосатых кальсонах», что ведет к его символическому выпадению из социальной нормы и последующей изоляции в клинике³. В этом эпизоде одежда выступает границей, нарушение которой влечет за собой утрату социального статуса [Астраханцева 2021, с. 7]. Театрализация внешнего облика усиливает выразительность этих наблюдений. Костюмы персонажей формируют эффект сценичности: каждый герой появляется в пространстве романа как носитель определенной роли. Особенно ярко это проявляется в линии Воланда и его свиты, где одежда приобретает элементы гротеска и теряет нормативную функцию: треснутое пенсне, клетчатый костюм, демонстративная небрежность внешнего вида⁴. Стоит отметить, что проблема потребления одежды отчетливо показана в сцене сеанса черной магии в театре Варьете. Массовая реакция зрителей на появление модных вещей выявляет скрытый

¹ Булгаков М.А. Мастер и Маргарита. М., 1984. С. 9.

² Там же. С. 9.

³ Там же. С. 61–62.

⁴ Там же. С. 267.

спрос на дефицитные предметы и стремление к участию в культуре потребления, противоречащее официальной идеологии аскетизма⁵. В этой сцене демонстрация одежды превращается в форму коллективного поведения, близкую к ажиотажу⁶.

В пьесе «Зойкина квартира» тема одежды идет параллельно с квартирным вопросом и жилищными условиями. Политика уплотнения и распространение коммунальных квартир привели к тому, что дом перестал быть местом для частной жизни. На это указывает тот факт, что члены домового комитета могут постоянно проверять жильцов и заходить в их комнаты: председатель домкома Аллилуя свободно вмешивается в личное пространство героев и заявляет о возможности проникновения в любое помещение, включая спальню⁷. В данных условиях квартира Зои Пельц перестает быть домом в традиционном смысле и служит для разных целей. Днем помещение выступает как легальное ателье по пошиву одежды, где создаются модные платья, ориентированные на западные образцы⁸. Ночью это же пространство превращается в подпольный салон, где демонстрация одежды соединяется с коммерческими и полулегальными практиками⁹. Можно сказать, что жилье утрачивает свою исходную функцию и становится частью городской экономики, связанной с потреблением и обменом вещей.

Для персонажей одежда имеет значение, которое связано с их статусом и деньгами. Парижские платья символизируют знаки принадлежности к иному миру, ассоциирующемуся с изобилием и социальной свободой¹⁰. Однако данная связь остается воображаемой: изменение внешнего облика не ведет к реальному изменению положения, а лишь подчеркивает его нестабильность. Переодевание становится устойчивым мотивом, связанным со сменой ролей и размыванием границ между социальными позициями. Вечерние показы строятся по принципу дефиле, где

⁵ Там же. С. 135–266.

⁶ Там же. С. 381.

⁷ Булгаков М.А. Зойкина квартира. СПб., 2018. С. 2.

⁸ Булгаков М.А. Зойкина квартира. СПб., 2018. С. 2–4.

⁹ Там же. С. 11.

¹⁰ Там же. С. 11–14.

модели выступают прежде всего как носители вещей. В этом контексте женщину воспринимают как часть платья, а ее тело включается в процесс демонстрации и продажи¹¹. Возникает связка «тело – одежда – товар», отражающая превращение вещи в ключевой элемент потребления [Иваньшина 2019, с. 608].

Экономическая функция одежды раскрывается в сюжетной линии Аалы. Получение модного платья становится условием включения в систему зависимостей, где вещь выступает инструментом подчинения [Иваньшина 2019, с. 608]. Обмен платья на участие в показах демонстрирует использование одежды как средства контроля и вовлечения в неформальные экономические отношения, а карнавальнй характер происходящего усиливается за счет театрализации. Тем самым демонстрация одежды превращается в спектакль, где зритель одновременно выступает участником действия¹². Это сближает практики потребления с формами городской массовой культуры 1920-х гг. Кроме того, в пьесе сохраняется противоречие между идеологическими установками и реальностью: несмотря на официальное осуждение роскоши, спрос на западные образцы и «красивую жизнь» остается устойчивым. Так, «Зойкина квартира» фиксирует взаимосвязь жилищных условий, практик потребления и символики одежды. Квартира выступает пространством, в котором концентрируются противоречия эпохи – между публичным и частным, нормой и практикой, дефицитом и стремлением к изобилию.

Таким образом, в художественных текстах М.А. Булгакова репрезентация моды становится инструментом фиксации повседневности: через детали костюма выявляются процессы дефицита, социального расслоения, изменения практик потребления и т.д. В первой половине 1920-х гг., в период НЭПа, на фоне относительной либерализации экономики и сохранения частного предпринимательства возникает социальный слой, вкусы и практики потребления которого формируются под влиянием западных модных канонов. Данный аспект зафиксирован в пьесе «Зойкина квартира», где подпольный салон и ателье становятся пространством легальной и полулегальной демонстрации

¹¹ Там же. С. 14.

¹² Там же. С. 2, 16.

«парижских нарядов», а одежда выступает инструментом социальной мобильности и товаром. С конца 1920-х и в 1930-е гг., после сворачивания НЭПа и ужесточения идеологического контроля, публичная политика государства в отношении одежды меняется: роскошь и следование западной моде официально осуждаются, а аскетичный, унифицированный костюм закрепляется как знак «правильной» социальной принадлежности. Однако, как показано в романе «Мастер и Маргарита», на практике дефицит и скрытый спрос на качественные вещи сохраняются, а внешний вид по-прежнему обозначает статус, вступая в символическое противоречие с государственно-идеологическим дискурсом. Фиксируя указанные особенности в деталях костюма и сценах массового потребления, произведения М.А. Булгакова предоставляют эмпирический материал, позволяющий дополнить исторические исследования реконструкцией визуальных и поведенческих аспектов городской повседневности.

БЛАГОДАРНОСТИ

Статья выполнена в рамках проекта РГГУ «История советской повседневности в оптике социального конструирования» (конкурс «Студенческие проектные научные коллективы РГГУ»).

ACKNOWLEDGEMENTS

This article was carried out within the RSUH project “The History of Soviet Everyday Life in the Lens of Social Construction” (“Student Project Research Teams of the RSUH” contest).

ЛИТЕРАТУРА

Астраханцева 2021 – *Астраханцева А.А.* Символика и функции одежды персонажей романа М. Булгакова «Мастер и Маргарита» // Всероссийская научно-практическая конференция с международным участием «Общество, педагогика, психология: теория и практика», Анжеро-Судженск: Изд-во Среда, 2021. С. 336–346.

- Белобровцева 2012 – *Белобровцева И.З.* О гардеробе героев московского сюжета // Путеводитель по роману М.А. Булгакова «Мастер и Маргарита». М.: Изд-во Московского университета, 2012. С. 139–142.
- Белогурова 2014 – *Белогурова Е.В.* Комедийно-сатирическая версия «квартирного вопроса» в творчестве М. Булгакова: «Зойкина квартира» // Филология и человек. 2014. № 1. С. 164–171.
- Журавлев 2013 – *Журавлев С.В.* Мода по плану. История моды и моделирования одежды в СССР 1917–1991. М.: ИРИ РАН, 2013. 496 с.
- Зайцева 2023 – *Зайцева Д.С.* Феномен советской моды: столкновение социалистической идеологии и модных желаний потребителей // Научный результат. Социальные и гуманитарные исследования. 2023. № 3. С. 105–109.
- Иваньшина 2019 – *Иваньшина Е.А.* Как устроена «Зойкина квартира» // М.А. Булгаков: PRO ET CONTRA. СПб.: Изд-во: Русская христианская гуманитарная академия им. Ф.М. Достоевского, 2019. С. 599–612.
- Каменская 1977 – *Каменская Н.М.* История костюма. М.: Изд-во Легкая индустрия, 1977. 131 с.
- Лебина 1999 – *Лебина Н.Б.* Повседневная жизнь советского города: нормы и аномалии 1920–1930-х годов. СПб.: Летний сад, 1999. 334 с.
- Ли Сын Ок 2008 – *Ли Сын Ок.* Мотив «Дом-антидом» в пьесе М. Булгакова «Зойкина квартира» // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. 2008. № 80. С. 214–218.
- Соболева 2018 – *Соболева А.Н.* Бытовая культура советских горожан в 1920–1930-е гг. // Вестник БГУ. Гуманитарные исследования Внутренней Азии. 2018. № 3. С. 20–25.
- Стриженова 1972 – *Стриженова Т.О.* Из истории советского костюма. М.: Изд-во Советский художник, 1972. 112 с.
- Фурсова 2016 – *Фурсова Е.Ф.* Одежда крестьян Западной Сибири в 1920-е – 1930-е гг.: традиции и мода // Традиционная культура русского народа в период 1920–1930-х годов. М.: Изд-во Индрик, 2016. С. 263–292.

REFERENCES

- Astrakhantseva, A.A. (2021), “Symbolism and Functions of the Characters’ Clothing in M. Bulgakov’s Novel ‘The Master and Margarita’ ”, in *Vserossijskaya nauchno-prakticheskaya konferenciya s mezhdunarodnym uchastiem “Obshchestvo, pedagogika, psibologiya: teoriya i praktika”* [All-Russian Scientific and Practical Conference with international participation], Izd-vo Sreda, Anzhero-Sudzhensk, Russia, pp. 336–346.
- Belobrovitseva, I.Z. (2012), “On the wardrobe of characters in the Moscow plot”, in *Putevoditel’ po romanu M.A. Bulgakova “Master i Margarita”* [Guide to Bulgakov’s novel “The Master and Margarita”], Izdatel’stvo Moskovskogo universiteta, Moscow, Russia, pp. 139–142.
- Belogurova, E.V. (2014), “Comic-satirical version of the ‘housing question’ in Bulgakov’s works: ‘Zoyka’s Apartment’”, *Filologiya i chelovek*, no. 1, pp. 164–171.
- Fursova, E.F. (2016), “Clothing of peasants of Western Siberia in the 1920–1930s: traditions and fashion”, in *Traditsionnaia kul’tura russkogo naroda v period 1920–1930-kh godov* [The traditional culture of the Russian people in the period of the 1920s – 1930s], Indrik, Moscow, Russia, pp. 263–292.
- Ivan’shina, E.A. (2019), “How ‘Zoyka’s Apartment’ is structured”, in *M.A. Bulgakov: PRO ET CONTRA*, Russkaia khristianskaia gumanitarnaia akademiia im. F.M. Dostoevskogo, Saint Petersburg, Russia, pp. 599–612.
- Kamenskaya, N.M. (1977), *Istoriia kostiuma* [History of costume], Legkaia industriia, Moscow, Russia.
- Lebina, N.B. (1999), *Povsednevnaia zhizn’ sovetskogo goroda: normy i anomalii 1920–1930-kh godov* [Everyday life of the Soviet city: norms and anomalies of the 1920–1930s], Letnii sad, Saint Petersburg, Russia.
- Li, Syn Ok (2008), “The motif of ‘home–anti-home’ in Bulgakov’s play ‘Zoyka’s Apartment’ ”, *Izvestiia Rossiiskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A.I. Gertsena*, no. 80, pp. 214–218.

- Soboleva, A.N. (2018), “Everyday culture of Soviet citizens in the 1920–1930s”, *Vestnik BGU. Gumanitarnye issledovaniia Vnutrennei Azii*, no. 3, pp. 20–25.
- Strizhenova, T.O. (1972), *Iz istorii sovetskogo kostiuma* [From the history of Soviet costume], Sovetskiy hudozhnik, Moscow, Russia.
- Zaitseva, D.S. (2023), “The phenomenon of Soviet fashion: clash between socialist ideology and consumer desires”, *Nauchnyi rezul'tat. Sotsial'nye i gumanitarnye issledovaniia*, no. 3, pp. 105–109.
- Zhuravlev, S.V. (2013), *Moda po planu. Istoriiia mody i modelirovaniia odezhdy v SSSR 1917–1991* [Fashion by plan: history of fashion and clothing design in the USSR 1917–1991], IRH RAS, Moscow, Russia.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Дарья С. Вельмушкина, студентка бакалавриата, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125993, Россия, Москва, Миусская пл., 6; dashavelm@gmail.com

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Daria S. Velmushkina, bachelor student, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya Square, Moscow, Russia, 125047 dashavelm@gmail.com